

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XX ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1985
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

ФУНКЦИИ ПРИЧАСТИЯ В МАНЬЧЖУРСКОМ ЯЗЫКЕ

В алтайских языках причастием принято называть такую форму глагола, которая в числе других ролей выполняет и роль определения при существительных.¹ Наиболее характерным признаком для нее является полифункциональность в синтаксическом отношении.

В маньчжурском языке причастия образуются с помощью показателей настоящего-будущего времени *-ра/-рэ/-ро* и прошедшего времени *-ха/хэ/-хо*: тувара - "смотрящий", туваха - "смотревший". Некоторые исследователи считают, что причастия с окончанием *-ра* обозначают действие-состояние, не окончившееся к моменту речи, то есть несовершенный вид; а причастия на *-ха* обозначают действие-состояние, окончившееся к моменту речи, то есть совершенный вид.

В предложении причастие может выступать в различных функциях. Для алтайского причастия М.И.Черемисина выделяет три роли - "1) роль конечного сказуемого; 2) роль определения; 3) роль неконечного сказуемого в структуре полипредикативных конструкций".² Автор не рассматривает субстантивированное употребление причастий, считая, что в данном случае они переходят в разряд существительных.

По мнению В.А.Аврорина маньчжурское причастие может употребляться в качестве 1) определения, 2) сказуемого, 3) дополнения и 4) теоретически возможно как подлежащее.³

В свете того, что функциональные характеристики причастия, предложенные М.И.Черемисиной и В.А.Аврориным, не совпадают, было бы интересно на материале маньчжурского памятника "Таньгу мэйн" ("Сто глав") выявить синтаксические функции причастия.

"Собственно" причастная функция - это определительная, так как она указывает на причастия как особый класс глагольных форм. В позиции определения причастия настоящего-будущего времени обозначают действие, совершаемое в определенный момент или постоянно присудее определяемому: *лэолэрэ* "геомангы" (букв. "люди, смотрящие на ветер и воду"). Причастия прошедшего времени указывают на совершившееся действие или состояние, наступившее в результате действия: *йомбуха гисунь /П, 12а/* "сказанные слова".

В наиболее простой двучленной определительной конструкции определяемое при всех причастиях обычно указывает субъект действия, обозначенного причастием, при этом причастие образовано от глагола в действительном залоге: *Си никан битхэ баханара нялма кай /П, 18а/* "Ты - человек, изучающий китайские книги", *Мусэй чжихэ*

тайтай са /I, 106/ "Госпожи, пришедшие с нами".

Иногда определяемое может соответствовать и объекту действия, при этом причастие-определение переводится на русский язык формой страдательного залога: Кунэсулэра маньгун кэмуни эдэн /II, 25а/ "Взятых на дорогу денег еще недостаточно", Бэлэни бучжуха аняя эфэн уду фэли чжэфу /II, 28а/ "Съешь несколько кусочков уже сваренного новогоднего хлеба".

В алтайских языках, в том числе и маньчжурском, наряду с двучленными определительными конструкциями, широко распространены так называемые "трехчленные определительные конструкции",⁵ включающие имя, обозначающее субъект действия, в первой позиции и причастие во второй позиции, выступающее в роли определения к имени, стоящему в третьей позиции и выражающему объект. Например: Агэ-и йомбуха гисун фухали мимбэ дасара /II, 12а/ "Сказанные старшим братом слова совсем вылечили меня".

В данном случае перед нами предикативная определительная конструкция (соответствующая придаточному определительному предложению), вершиной которой является причастие в роли зависимого предиката. Сама предикативная единица (ПЕ) определяет именной член главного предложения (о ней см. ниже).

Причастие может быть субстантивировано и, обозначая отвлеченное название действия или состояния, может приобретать синтаксические признаки имени, то есть выполнять синтаксические функции подлежащего и дополнения,⁶ свойственные существительному. Наиболее обычной для субстантивированного причастия является функция прямого дополнения. Чаще всего оно оформлено показателем винительного падежа бэ: Агэ си мини габтара бэ тува /I, 24а/ "Старший брат, посмотри на мою стрельбу"; Ябуха фэлеха бэ бодочи ... /I, 17а/ "Если сосчитать [твой] дела и поступки..."

Прямое дополнение, выраженное причастием, может быть и грамматически неоформленным (чаще всего при глаголах говорения): Эрэ сидэн дэ чжай мимбэ ачачи, мини фуньдэ гасабуха сэ /I, 32а/ "Если за это время опять увидишься с ним, передай мои соболезнования".

Встретилось лишь два примера, когда дополнение, выраженное причастием, оформлено соответственно показателем дательного падежа дэ и показателем исходного падежа чи: Чжаньгин синдара дэ томи-лаха сэмби /I, 16а/ "Говорят, [ты] назначен на должность чжаньцзиня"; Яфара чи ай далчи /I, 25а/ "Как можно [езду на лошади] сравнить с путешествием пешком".

В функции подлежащего употребляется лишь причастие настоящего времени, при этом оно стоит в общем падеже, то есть грамматически

не оформлено: Габтара нямыра зйтэн хахай эрдэму сэ дэ тэйсу аку амбула тачихаби. /I,156/ "Стрельба из лука, стрельба с лошади на скаку и другие мужские умения не соответствуют возрасту - исключительно опытен".

Употребление причастия в роли подлежащего в тексте встречается крайне редко. Тем не менее, мы имеем реальные примеры употребления причастия в функции, которую В.А.Аврорин называл "теоретически возможной".

В роли конечного сказуемого маньчжурские причастия выступают довольно часто. Например: Агэ хувэкебумэ офи утту дабали мактара дабала /П, 156/ "Старший брат, ты так хвалишь меня из расположения /ко мне/ и только"; Эдэ яфахан уксын имбэ чжафафи гамаха /I, 266/ "Поэтому латники схватили и забрали его".

В алтайских языках причастия используются и в роли неконечных сказуемых - предикативных единиц, входящих в состав сложного предложения. Для выражения синтаксической зависимости ПЕ употребляют-ся показатели падежей, и такое явление в алтайстике называется "предикативным склонением причастий". Этот термин объясняется тем, что "непосредственным объектом, принимающим падежную форму, являются в большинстве случаев именно предикативные причастия, сказуемые зависимой части в составе сложноподчиненного, "сложно-спаянного" предложения".⁷ В подчинительных отношениях к главной части предложения находится вся ПЕ, ибо она является исполнителем синтаксической роли, принципиально сопоставимой с ролью члена предложения. В предикативном склонении для маньчжурского языка характерно использование лишь двух показателей падежей: винительного бэ и дательного дэ. В ПЕ, выполняющей функцию дополнения, причастие оформлено показателем винительного падежа: Даму сини тачираку бэ хэндумби дэрэ /I,32а/ "Только скажи, что не хочешь учиться".

Предикативные единицы с причастием-сказуемым в дательном падеже соответствуют придаточным времени: Сиксэ доочан арада дэ би гуджун эму инэньги тубадэ бихэ /I.31б/ "Вчера я целый день был там, когда читали буддийские молитвы".

Показатель дательного падежа в сочетании с причастием настоящего времени указывает на общую временную соотнесенность событий, а в сочетании с причастием прошедшего времени - передает значение следования главного действия за зависимым.

Причастия в зависимых ПЕ со значением обстоятельства времени могут быть оформлены не только падежными показателями, но и служебными словами: Гиран тучибурэ оньголокон миндэ эму мэчжигэ бу

/I,32a/ "Прежде чем вынесут покойника, дай мне знать". (букв. "пошли мне записочку"); Антахаси фачаха маньги чай гисурэмби /П,36/ "Когда гости разойдутся, тогда и расскажешь".

Служебное слово оньгодо "прежде чем" всегда употребляется с причастием настоящего времени, а маньги "после того" – с причастием прошедшего времени. Предикативные единицы с причастными зависимыми предикатами могут быть оформлены также служебными словами оци, сэмэ – "если", чкакадэ – "так как", адали – "подобно" и др.

Употребление ПЕ в роли дополнения по значению близко к функции субстантивированного причастия. В связи с этим ПЕ можно считать развернутым причастным оборотом.

Таким образом для маньчжурского причастия характерны следующие функции: 1) собственно причастная, 2) отвлеченного названия действия, 3) сказуемого главного предложения, 4) сказуемого зависимой предикативной единицы. В предложении причастие может выступать в роли всех членов предложения: определения, подлежащего, дополнения, сказуемого главного и подчиненного предложения.

1. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск, 1984. с. 17.
2. М.И.Черемисина. Некоторые вопросы теории сложного предложения. Новосибирск, 1979, с. 35.
3. В.А.Аврорин. О категориях времени и вида в маньчжурском языке. ИАН СССР. Отд.лит. и яз. М., 1949, т. 8, № I, с. 65.
4. Ксилограф из Рукописного фонда ЛО ИВ АН СССР: В 76 (указываются тетрадь и лист).
5. Е.А.Поцелуевский. Туркский трехчлен. М., 1967, с. 5.
6. Маньчжурское причастие может субстантивироваться двумя способами: с помощью показателя -ньгэ и без него. Эти два способа выражают разные значения. Здесь мы рассматриваем лишь второй способ субстантивации.
7. Предикативное склонение ..., с. 172.
8. Подробнее о выражении зависимости между ПЕ см.: Л.М.Горелова. Способы выражения подчинения в полипредикативных конструкциях в маньчжурском языке. – Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1982, с. 50–54.